

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
УДК 882-1
Л61

Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ
и Союза российских писателей.

Л61 **Липатов Д.**
Другое лето.: стихи. – Нижний Новгород:
Литера, 2015. – 80 с.

ISBN 978-5-905163-37-1

© Липатов Д., 2015
© Издательство «Литера», 2015

Литера
2015

I

* * *

Давай скитаться по земле,
По бездорожью и дорогам:
Пешком, верхом, на корабле –
Воистину ходить под богом.

Воистину, куда глаза
Глядят: в туман и непогоду,
Куда укажет путь гроза
Стрелой огня по небосводу.

Земля давно поделена
На царства, княжества и ханства,
Но даже в эти времена –
Давай воспитывать пространство,

Питать, как малое дитя,
Любовью заполнять пустоты,
Чтоб мне не потерять тебя
И не пропасть в его зевоты.

Последние летние дни
Наполнены грустной тревогой.
За Волгою ночью огни
Зажгут над железной дорогой.

И тянут по ней поезда
Пугливые локомотивы
В игрушечные города,
Где счастливы или счастливы.

И думаешь: тоже туда,
Да чтоб никому ни словечка.
Так пели ещё: «*В холода, в холода...*»
Дарили на память колечко.

Вода утечёт, обмелеет река,
А мост над рекой обветшает.
Вернёшься на родину издалека,
А музыка – та же играет...

Погода тянется к погоде,
А человек бежит к теплу,
Ему не хочется в заводе
Точить деталь в своём углу.

Ему не хочется в конторе,
Ему не хочется нигде,
Ему за свой бы счёт на море,
А он сидит в Караганде,

А он сидит себе в Тагиле,
Он в Алапаевске сидит,
Цветочки содит на могиле,
Или в могиле сам лежит.

На солнце щурится, растяпа,
Платочком грязным трёт очки,
Какой-то псине тянет лапу,
Какой-то женщине – ключи.

Какой-то там ещё ребёнок
Его тягает за рукав,
Он говорит ему: «Тигрёнок»,
Но что к чему не разобрал.

Мороз и солнце; день чудесный!

Расчищают снег таджики –
Кубометры на-горá.
Крепче водки и аджики
Пыль морозная с утра.

От бедовой их работы
Двор то гладок, то горбат,
Среди утренней зевоты
Лопотание лопат.

Этот говор полуптичий,
Смесь фарси и неприличий,
Узкоглаз и темнолик,
Непонятен, скомкан, дик.

Просыпался в девять рынок,
Брёл на лекцию студент,
Возвращался кот с поминок,
И с дежурства старый мент.

Каждый там во что-то верил,
Из своей бежал тюрьмы,
На себя, как шапку, мерил
Купол хромовый зимы.

На старых улицах, что вскоре
Под корень будут снесены,
Ещё в случайном разговоре
Мне «фиты» с «ятями» слышны.

Как будто тени разночинцев
Ещё живут во флигелях,
Ругают истово мздоимцев
И спят в обнимку на углях.

А ночью серой в подворотне,
Где всяк дрожит своим добром,
Мелькнёт курьером преисподни
Святой безумец с топором.

И холодок по сердцу лижет,
Как будто взгляд из-за угла.
Таких, как ты, пройдох и выжиг,
Ничья душа здесь не ждала...

Трамвай машиною Уэллса
Меня поднимет на проспект,
Где город к празднику оделся
Огнями ёлок и комет.

И я не знаю, где я дома,
Куда забрёл, а где – живу,
И электричества соломой
Мне стелют неба синеву.

Спелым оловом разлит,
Поднимаясь, как опара,
Ноздреватый воздух сыт
Гулом птичьего базара.

В предрассветной пустоте,
В предвесеннем запустенье –
Копошенье в высоте,
Гомон, клёкот, удивленье.

Всполошился птичий сейм
От недоброго ли взгляда?
Или выстрел из степей
Отозвался где-то рядом?

И Господь глядит с небес,
Этой новостью встревожен:
Саваоф – Перун – Велес
Смотрит, тих и осторожен.

Так и сердце – ни с чего
Всполошится словно птица,
Вдруг поняв, что ничего,
Ничего не повторится.

То, что знали мы и так,
Вдруг даётся прямо в руки,
Отражается в глазах,
Обжигает речь и звуки.

В хороводе инкарнаций,
Лишь нирваны пригубя,
То Конфуций, то Гораций –
Всё равно ищу тебя:

Так борзая рыщет в поле –
Зорка ловчая душа,
Этой жаждой снова болен,
Пью сансару из Ковша.

Пусть твердит мне Гаутама
О проклятье Колеса –
Словно в дырку из кармана
Убегают небеса.

Не идут, хоть бубны рьяны,
Мантры в мой славянский ум!
Не вертись, барабаны, –
Всё едино – белый шум.

Я согласен кем угодно
Воплотиться, грезить, жить
И на привязи природной
Вечно шариком кружить,

Лишь бы в каждом воплощенье
Знать про символ, ведать знак –
Подари мне слух и зренье,
Дай чутьё, как у собак!

Чтобы знать, найти, запомнить,
Отличить тебя во всём –
Каждый ландыш и шиповник
Будет мне проводником!

Ибо каждое движенье,
Колыханье трав и вод –
Приближенье, наважденье,
Инкарнаций хоровод.

* * *

Болезнь равнодушной латынью
Не лучших сулит перемен:
Себя осознаешь с уныньем
Системой артерий и вен.

Не личностью с правом на выбор
Своей уникальной судьбы,
А пулей, под общий калибр
Подогнанной для стрельбы.

Ведь, в общем, на взгляд эскулапа,
Не много ты чем отличим
От прочих, попавших в лапы,
Ну, разве ещё излечим.

В сплетении дельт и излучин
В тебе протекающих рек,
Какой сантиметр не изучен,
К чему приложить оберег?

Не верь сухопарой латыни,
Крепящей всему ярлыки, –
Поверь лучше горькой полыни,
Поверь тишине у реки.

Надежд и отчаяний сумма –
Всегда ли душа на виду –
Последней сестрой Аввакума,
Затворницей в тайном скиту.

ДЕТСТВО

Сиди, как взрослый, у камина,
Врачом отставленный от игр.
Съедает детство скарлатина,
Как путешественника тигр.

Вполне серьёзная обида:
В каникулы – на бюллетень,
Хотя не кажешь, в общем, вида
И безразличен, как тюлень.

Но крики за окном доносят
Зимы весёлой кутерьму,
А про тебя никто не спросит,
И не придёт к тебе в *тюрьму*.

Теряешь много или мало?..
И слёзы тоньше, чем слюда, –
Тебе ль не знать, что жизнь пропала,
Опять пропала – как всегда!

Сквозь сон над Диккенсом зеваешь,
Скучнейший – молвишь – господин,
Согреться им!.. Но вспоминаешь,
Что электрический камин.

Газетною ветошью из-под обоев
Глядит твой Советский Союз –
Глазами своих пионеров-героев,
Сединами набольших мурз.

Вся мебель на свалке, ободраны стены,
Хозяев свезли на погост..
Так пели когда-то: грядут перемены
Во весь свой гигантский рост.

По старой привычке заезженным ретро
Приёмник журчит в пустоту –
Давай рио-риту нам сбацай, маэстро,
Станцуем у всех на виду.

Мелькнёт каблучок над скрипучим паркетом,
В сиреневых ситцах весна –
Жизнь будет счастливой по всем приметам,
Всегда будет юной страна.

Состарится мама, и вырастет дочка,
Сопьётся сосед-ветеран,
Журчит и журчит себе радиоточка,
Опять говорит Левитан.

Рекордные собраны вновь урожаи,
Проложен космический БАМ,
Товарищи кривичи и можаи
Читают уже по слогам.

СТИХИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

То Шемяка, то Дмитрий Жилка
Так и вертятся на языке,
Разбавляя кривою ухмылкой,
Пьют рябину на коньяке.

Будто хлебный катается мякиш,
Между ними Василий Шемячич.
Посылают его за второй,
Говорят: ты ещё молодой.

Всю дорогу у них потеха –
То Борисова вяжут щенка,
То по морде друг дружку для смеха
Отovarивают слегка.

То завидки берут к Иванам
Да к московским тугим карманам –
Счастья думают попытать,
Да сильна у Ивáнов рать.

А Иван, хоть четвёртый, хоть третий,
Тоже держит их всех на примете,
Да мастырит тюрьму для Шемяк,
Да в коньяк подсыпает мышьяк.

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР

Восемнадцатый век затянулся,
Просвещение зашло в тупик.
Революцией отпрыгнул
Вольтерьянства весёлый пикник.

Девятнадцатый век дольше века,
До костей изнасилась шинель.
Карамазовский чёрт из-под века
Смотрит в пушкинскую метель.

И двадцатый как будто закончен,
До колымских добравшись широт,
Закусивши кровавый сочень,
С человечинкой бутерброд.

Парики, вицмундиры и френчи
Вслед за модой меняет тиран.
Формалиновой желчью подсвечен
Пустоглазый глядит истукан.

Но в руках ещё трубка дымится,
Рыжий ус табаком пропах...
Посетитель как будто храбрится,
Но, скорее всего, на словах.

Инфантилизм, инфекция, энцефалит –
ничем таким я, кажется, не болен.
Душа, похоже, тоже не болит –
и солнышком согрет, и в море пересолен.

Всего-то не был десять дней,
а возвратился – не расскажут трое –
всё изменилось, столько новостей,
и даже джинсы нового покроя.

Мой друг, мой собутыльник-балагур,
готов и я травить без перерыва,
забыв в азарте перекур,
перетерпев момент отлива.

Всё изменилось. Подожди, постой!
Всё не упомнишь: кто-то вышел замуж,
женился кто-то не на той,
и я тяну папановское *да уж*.

Выходим. Щурится на солнце водоём.
От зноя город, как на сковородке,
и сплетничают рыбы о своём,
и лето медленно плывёт на лодке.

Я безучастен, как и не бывал
в отъезде, и не возвращался.
Мороженое мальчик покупал,
папаша пивом догонялся.

Ни к селу ни к городу в разговоре
вдруг нахлынет сплошной минор:
помнишь, ездили в детстве на море?
помнишь Ялту, Алушту, Мисхор?

Ничего я, конечно, не помню.
Лишь экскурсию в каменоломню
да змеи беспощадный укус.
Помню моря солёный вкус.

В санаторной библиотеке
с его песней о вещем Олеге
был востребован Пушкин А.С. –
предсказуемый интерес.

Оказалось гораздо всё проще,
только сердце обиду полощет
и больничных не слушает клуш,
что змея – безобидный уж.

Никому не грозил я набегом,
ни хазарам, ни печенегам,
не хотел прибивать щита
на царьградские ворота.

А глядишь ты – змее попался,
за стихами вослед увязался:
всё твой жёлтый обманный зрачок
да раздвоенный язычок.

* * *

Он сердцем милый был невежда...

Как хорошо в иные лета
стихи наивные писать,
не знать, что тысячи поэтов
могли подобное сказать.

Уж если осень – без подтекстов –
очарование очей –
без политических протестов,
без дураков и стукачей.

Или, положим, к нам с весною
летят банальные стрижи –
пускай лирической волною
все захлебнутся падежи.

И в сотый раз или в сто первый –
пускай невежда из невежд –
смотреть с любовью и надеждой
на грозы майские, как Фет.

Ах, да, перемудрили с Фетом,
конечно Тютчев! Не беда:
известно – Пушкин был поэтом,
все остальные – лебеда.

Прошло то время золотое.
Теперь не можешь – не пиши,
а если можешь – чёрт с тобою –
точи свои карандаши.

Но помни: так – уже не *эдак*,
да и вот *так* уже нельзя!
Дар поэтический так редок,
но так заманчива стезя.
Хвалю я ловкое уменье,
ценю брезгливость знатоков,
учителей долготерпенье,
усидчивость учеников.

Но всё же есть прикосновенье,
необъяснимое вполне –
первоисточник впечатленья,
родник, что бьёт на глубине.

Октябрь, речённый листобоем,
идёт-бредёт судить-рядить,
и в бубен бить над головою,
и медью выцветшей сорить.

Кто разглядел – тот и увидел.
Спешит с кленового листа
Списать латиницу Овидий,
Собрать кириллицу с куста.

МУСОРГСКИЙ

То ли мýзыка, то ли музýка –
Гроздь звуков и нот лужа,
То ли ёрзает безъязыка
Беззащитная мелюзга.
Знатоков забирает зевота,
Дилетантов свербит задор,
Композитора жрёт икота,
Зубом мается дирижёр.

Что там слышится, что сгущается,
Что там прячется до поры? –
Там с грозой гроза встречается,
Там на вилы идут топоры.
Там вырастает в людей железо,
Там, зализывая рубцы,
То раскольничья спорит аскеза,
То хмелеют изменой стрельцы.

Я дышу этим воздухом зорко,
Как и ты – забулдыга – Модест,
По проулкам и по задворкам
Разбазаривая протест.
Зайтильщина и Задонщина,
Завалдайщина прозвенит,
Но внезапнее, чем пощёчина,
Бунт хованщиной кровенит.

Божий дар – ноша всё же нелёгкая,
А свобода – не водки штоф –
Римский-Корсаков с поволокою
Вдруг посмотрит из-под усов.

Погрозит то смычком, то пальчиком,
То скрипичным поманит ключом,
То прикинется одуванчиком,
То маячит за левым плечом.

Музыкальной шкатулки жители,
Не ходите за мной толпой,
Отступитесь, друзья-учители,
Плачьте, скрипки, рыдай, гобой!
То не водочка под сурдинку,
Не кабацкий шумит пророк,
А заезженной пластинкой
Вьётся нищего тенорок.

* * *

Эти суздальские зимы,
Это пенье куполов,
Как любовь невыразимы –
Сердца сказочный улов.

Так морозно, что, *meine Liebe*,
Сберегая звук в тепле,
Ты не русское спасибо,
А *дзенкуе* скажешь мне.

Безошибочное чувство
Дерзким сердцем узнаю –
Сопричастности искусства
И сотворчества всему:

Это я был звонкий зодчий,
Что по воздуху резцом
Выводил и дни и ночи,
Украшая изразцом,

Эти солнечные взвеси,
Колокольный этот звон,
Эти радужные церкви,
Взоры иверских мадонн!

Потому что нету века,
Ни пространства, ни имён:
Только в сердце человека
Сам узор запечатлён.

II

* * *

друзьям-поэтам

Когда они приходят
С закуской и вином,
И пьют, и колобродят,
И ходят ходуном,

Хамят, грубят соседям,
Дымят – не продохнуть,
И спать мешают детям
И женщинам чуть-чуть,

Ты радуешься тоже,
В хмельной их разговор
Встречаешь, корчишь рожи –
Хвостун и бузотёр.
До драки не доходит,
До поцелуев – да.
На нет веселье сходит,
На пятницу – среда.

И каждый вновь печален,
И молчалив, как бог,
И горизонт завален,
И в сердце – холодок.

Была зима. Мы тоже были.
Потом нас не было. Потом
О нас совсем уже забыли
На этом свете. И на том.

Потом другое снилось лето,
Другая помнилась весна,
И кто-то счастлив был за это
Или несчастлив был сполна.

С другими снова так случится
(Возможно, это будем мы),
Что в сердце ласточка стучится
Спасть от будущей зимы.

День «икс» уже определён,
но дата держится в секрете,
и список жертв, хотя и утверждён,
ещё не обнародован в газете.

А потому и в нынешний уик-энд
в кафе на набережных людно,
и в сумерках, неверных как абсент,
любая страсть слепа и обоюдна.

От каждой лавочки доносится «чин-чин»,
затем, что нету звона в пластиковых рюмках,
а в каждом тосте слышится зачин
любви и дружбы. Бутерброды в сумках

не залежатся – тянут за язык
сказать, как хорошо на свете,
и, путаясь среди родителей своих,
жуют попкорн упитанные дети.

И так всю ночь. На море лёгкий бриз,
на радио – всеядная эстрада...
И жизнь – случайна, как каприз,
и продолжения – не надо.

Сегодня самолёты что-то разлетались:
пока я шёл с работы видел три,
один шёл на посадку, двое улыбались
и на посадку, видимо, не шли.

Люблю увидеть в небе самолёты,
когда они, махнув крылом,
зовут, зовут в свои высоты,
советуют не думать о былом.

Люблю гулять окраиной района,
где гаражи и трубы теплотрасс,
и даже мусорный бачок посеребрённый
дешёвой краской глядит, что твой иконостас.

Убогий садик, чахлые пионы,
ещё какие-то цветы...
О Господи, весь этот мир бездонный
кому, кому оставил ты?

Самолёт приземляется строго по графику.
Диспетчер сдаёт напарнику вахту,
снимает наушники, растворяет «арабику»,
по инерции смотрит ещё на карту.

Атмосферный фронт надвигается, словно
армия фон Клейста или фон Бока,
но зависает где-то над Гродно,
но прорывается до Белостока.

Значит, у нас – не раньше, чем пятница.
Отменить все взлёты, тем паче посадки.
Радиообменов в эфире сумятица
выпадает с дождями в осадки.

Аэропорт в такую погоду –
иллюстрация прозы Стивена Кинга –
сидишь себе, смотришь на воду,
ленивей последнего Каролинга.

То ли в небе воют химеры –
того гляди рухнет железная птица,
а твои личные лангольеры
пожирают то, куда хотел возвратиться.

История, как варешка, проста,
И даже смехотворно безыскусна:
Жизнь начинают с чистого листа,
Но жизни той – уже не густо.

Вот из подъезда вышел человек
За хлебом, за картошкой, за селёдкой,
И так, должно быть, целый век
Проходит он уверенной походкой.

Он иногда глядит по сторонам,
Не узнавая вдруг привычного района –
То пешеходный переход теперь не там,
То магазин перенесли от дома.

Уже кряхтит, как старый чёрт,
Жида, мол, родину продали –
В квитанциях опять перерасчёт!
Мы эти фокусы видали...

Он фыркает, что всё видал в гробу,
Что был судьбой к другому приурочен,
Что должен круто изменить судьбу,
Но этот долг давно просрочен.

ДРУЖЕСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ
АНДРЕЮ ПЕРМЯКОВУ,
ВЛАДИМИРУ БЕЗДЕНЕЖНЫХ
И АРСУ ЛИ, ВСПОМИНАЯ
НАШУ ПОЕЗДКУ В КИРОВ

Был когда-то город Хлынов,
Был и схлынул без следа,
Богатырским сном нахлынув
И рыча, как джигурда.

Был когда-то город Вятка,
Но корова языком
Всё слизала без остатка –
Не дойти туда пешком.

Есть когда-то город Киров,
Здесь мы славно отдохнём,
Не осливим честь мундиров –
Выпьем, сколько унесём.

Разливай по полной, Вова,
Передай, Андрюх, сырок,
Арс, скажи друзьям два слова,
Встав для слов на бугорок.

Много мудрости не надо:
Жизнь пока что любит нас,
Есть ещё два-три *снаряда*,
И вискарь твой про запас.

Довольно тривиальный эпизод,
Весьма небезупречное начало,
Но жизнь – не проза и идёт себе, идёт,
И каждый день, как ни крути, светало.

И каждый вечер, что ни говори,
Смеркается, и, не боясь оскомин,
Вновь чей-то голос говорит внутри,
Что жизнь пройдёт – и час неровен.

В отличие от авторов судьба,
Как видно, не чурается повторов –
Дурная ли, иная голова
Слетает с плеч без долгих уговоров.

И, оставляя вечность про запас,
Вновь про кого-то скажут: «Умер, невезучий!
Но эта песня – не про нас,
И это, в общем, частный случай».

З. Н.

на улице сыплет снежок
и треплется ветром флажок
дитя вдруг заплачет за стенкой
дитя называется ленкой

и сверху всё бродит сосед –
бирюк-кулугур-домосед
и курит зимой в туалете
мечтая наверно о лете

вздыхает наш дом-коробок
ворочаясь с боку на бок
полезной жилплощадью всей
как нервной системой своей

но в общем и целом везде тишина,
но в общем и целом кому ты нужна
душа что проснулась за стенкой
зовись ты хоть мишкой хоть ленкой

ПЕСНИ КАПЕЛЬНИЦЫ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Владимиру Безденежных,
моему проводнику в потусторонних
мирах, и всей честной компании

1

я был тихий алкоголик
много денег не имел
пригласи меня за столик
нацеди на опохмел

не садись ты с нами дядя
а не то не будешь рад
отвали ты бога ради
пей вон свой денатурат

что сынки неужто жалко
я в афгане воевал
раз в году стреляет палка
мне сам лебедь наливал

заливай другому баки
отвали добром прошу
херувимы паки-паки
я в милиции служу

расшиби меня тошиба
задави меня рено
и на том сынки спасибо
интересное кино

2

две по сто одну сардельку
лучше жареный минтай
заходи через недельку
сигаретку что ли дай

ну чего ещё по сотке
сверху пиво или квас
две какие-то пилотки
вон срисовывают нас

чѐ ты лыбишься мальвина
мне и плюнуть даже лень
вся цена тебе полтина
да и то в базарный день

посмотри-ка оскорбилась
белоснежка тоже мне
ну прости сестра спалилась
на войне как на войне

ну чего захорошело
остановимся пока
забродило задобрело
накатило захмелело
отпустило хоть слегка

3

мужики такое дело
выручайте на флакон
чуть душа не отлетела
и колымить не сезон

но не просто так ребята
кое-что вам подгоню
может рожа кривовата
но задаром я не пью

зацени часы с цепочкой
да ты нос не вороти
я к тебе же не с заточкой
не желаешь не бери

ты глаза разуй – работа
видишь вензель золотой
то немецкая пехота
обронила под москвой

получается трофеи
дед добыл а я пропью
эх коты вы котофеи
ладно к тем вон подвалю

4

эх как раньше-то бывало
бутербродики с икрой
тётя клавиша подавала
даже с чёрною порой

ну ты вспомнил – было было –
батя пил а я смотрел
только мне тогда не в жилу
я икры той не терпел

батя всё ругал болваном
ешь пока её полно
ни с каким потом карманом
не купишь всё равно

ну а мне его икорка
как коту в обед арбуз
он чадит в меня махоркой
вот же глупый карапуз

ну чего тебе? – обычно
два пирожных лимонад
а себе возьмёт столичной
триста лет тому назад

5

здесь застряли мы надолго
как на острове свиней
со своей ахейской шоблой
хитроумный одиссей

вот идёт царица наша
две пол-литры нам несёт
не части с закуской саша
ты ещё не видел счёт

сдвинем столики поближе
ну вовчила разливай
голос твой всё ниже ниже
ты давай не угрожай

игорек ты что родимый
ты не хочешь быть свиньёй
не допил и половины
не грузи меня х.йнёй

что за топот что за грохот
это сбруею звеня
привели держа за хобот
нам армянского коня

6

поговори со мною вова
что-то тошно на душе
правду молвить – так хреново
будто всё кругом в парше

пьёшь и пьёшь а всё хреновей
мир не кажется добрей
разве только бестолковей
в кровожадности своей

нет ни уличных разборок
ни пацанского пера
ни дешёвых распальцовок
не боюсь я ни хера

хотя прав ты сотрапезник
что тут попусту вещать
жизнь она не генри резник
не обяжешь защищать

то и грустно милый вова
что какой-нибудь хорёк
ткнёт отвёрткой и ни слова
ни словечка поперёк

7

хороша у вас капуста
съем ещё – не утерплю
не хотите ли моллюска
нет спасибо не люблю

рыбка красная зачётна
хватит жрать-то в три горла
водку пью я по нечётным
ирка снова не дала

ну у вас и разговоры
кандидаты блин наук
ой да все они там воры
нет скажи вот ты мне друг

эти пьяные базары
от политики до баб
водку пьют теперь татары?
а евреи? – ещё как!

вот за что люблю спиртное
речь становится близка
что-то слышится родное
хоть с любого языка

8

это что ещё за числа
кто тут грамотный считай
вся ватага сразу скисла
а ещё давать на чай

ой да бросьте вы ребята
хоть оставьте на такси
у тебя ж вчера зарплата
у жены моей спроси

не припомню я солянки
и перцовки я не пил

кто тут хвастался по пьянке
что наследство получил

шутки в сторону мужчины
всем единый приговор
прекратили матерщину
ешь последний мухомор

расплатились как иначе
оплатившему – почёт
с чаевыми – так тем паче
фирма сдачи не даёт

9

наконец-то свежий воздух
я догнался б коньяком
дай ты печени-то роздых
полирнуться что ль пивком

светит месяц звёзды блещут
вспять течёт река ока
души сырые трепещут
от любого сквозняка

на метро там пересадку
на такси не наскребём
я значил пятихатку
лучше мы её пропьём

нам до сормово отлично
нам в канавинский район
нет старик с собой наличных
дома денежку найдём

бесновалась вслед реклама
брехал жёлтым светофор
будет вновь ругаться мама
будет утром разговор

10

кабак закрыт все выпивохи
пусть с неохотой разошлись
на посошок и ахи-вздохи
и лобызанья начались

чего душа твоя алкала
а получила что взамен
вино из блюдецек лакала
взмывала ввысь как супермен

какие бездны выси дали
какие звёздочки кругом
восторги нежности печали
всё улетучится потом

проснёшься мухою морёной
глядишь едва на божий свет
и понимаешь умудрённый
что совершенства в мире нет

а ты ходи ходи немного
слегка отпустит тошнота
слегка уляжется тревога
слегка померкнет пустота

(горочка)

мы сидели на батумской
пили водку в три горла
почтальонша с толстой сумкой
телеграмму принесла

где-то в дальнем захолустье
среди лесов полей и рек
от тоски или от грусти
умер *тоже человек*

мы его совсем не знали
нам по сути всё равно
те кому ту смерть прислали
с хазы съехали давно

но как будто кто незримый
положил конец гульбе
жизни ход неотвратимый
вновь напомнил о себе

так вот где-то околеешь
и не скажешь никому
как ты здесь овечкой блеешь
волком воешь на луну

Кто-то ходит наверху,
спать не хочет, колобродит,
варит за полночь уху
или чёрта за нос водит.

То скребётся словно мышь,
то сучит мохнатой лапой,
то заплачет, как малыш,
вспоминая маму с папой.

Это всё фантом, мираж –
не живут над нами люди,
самый верхний наш этаж,
выше только неба студень.

Ничего не говори:
снова – слышишь – ходит, ходит,
повторяет раз-два-три,
в жмурки с чёртом хороводит.

Скажем, город, нет – посёлок,
скажем проще – городок,
старой фабрики осколок
однотипный, как гудок,
что людей тянул на смену,
словно рыб с речного дна,
и ломал через колено
робость утреннего сна.
Что ещё? Ну в чахлому парке
с кислым пивом есть ларёк,
на бэушной иномарке
местный катится князёк.
Есть ещё кинотеатр,
где в прокате целый век
страшный первый терминатор
повторяет *айл би бэк*.
Вот и всё, пожалуй, финиш,
что тут долго говорить.
На окрестности взор кинешь –
понимаешь, нечем крыть
эти серые строенья,
этот жиденький ландшафт,
коматозные растенья,
беспробудный брудершафт.
С удивленьем шлёт депеши
сбитый с курса фобос-грунт:
«Есть ещё в науке бреши –
целый город вижу тут!»

Я полюбил автозаводский парк
какой-то странною любовью
какой должно быть Жанна д'Арк
любила Францию коровью

замызган неопрятен пуст
прозрачен в мутный день осенний
не вызывая добрых чувств
он всё же мил в своём верченье

там алкоголики играют в домино
там шахматисты выпивают
какое-то советское кино
они собой напоминают

я рос недалеко здесь с бабушкой гулял
отец фотографировал меня на карусели
взрослее стал – на велике гонял
пломбир в кафе морозко летом ели

потом я вырос – и хана
и парк зарос какою-то травой
как будто здесь прошла война
хотя прошла она конечно стороною

Я высунулся в эти холода,
я обморозил нос и уши:
зима, хотя была и молода,
была строга ко всем снаружи.

Я высунулся. Ужин на столе
остался с не закрытой книгой.
Куда приятнее под вечер быть в тепле –
гоняй чаёк и носом шмыгай.

Я высунулся в эти... а зачем?
Я шёл в теми по улице Гаражной
и сокрушался – это насовсем
и находил свою судьбу неважной.

Я высунулся для какой-то там борьбы:
хотя бы с холодом, хоть с дедушкой морозом,
да просто для внеплановой ходьбы,
чтоб не валяться дома под наркозом.

Я высунулся. Был и сам не рад.
Больницы, школы, магазины, ясли –
все в новогодних ёлках наугад
горели, но потом погасли.

Ехал старенький трамвай,
стёкла дребезжали.
На билет передавай,
сдачу, кажется, зажали.

Толстый-толстый контролёр –
хрен с ним разминёшься –
на тебя глядит в упор,
как ни повернёшься.

Нечем, тётянька, платить –
все карманы в дырах,
ни копейки не нажать
на таких пронырах.

Я сойду через одну,
не смотри так строго,
по морозу не дойду –
далека дорога.

Тётка кутается в шаль,
да поверх *альяски* –
ой, да бог с тобой, не жаль,
знаем ваши сказки.

Ехал старенький трамвай,
дребезжали *стёклы*,
за окном не месяц май –
все красны, как свёклы.

Тренировали в чтении по вывескам,
в течение прогулок и походов в магазин,
не приучая, значит, к изыскам:
что там написано – известно – «Магазин».
Ещё писали: «Молоко», «Продукты»,
бывало, «Рыба», «Мясо», «Колбасы!»,
частенько «Овощи» и реже «Фрукты»,
и то – какой-то средней полосы.
Заходишь внутрь – там пишут: «Бакалея»
и, например, «Сыров сегодня нет»,
в кондитерском, наверно, все болеют,
без очереди разве только хлеб.
Автоматически читаю: «Хозтовары»,
«Электротехник», магазин «Прогресс»,
какие-то «Колхозные базары» –
они не представляли интерес.
А по углам, в тени полуподвалов
«Ремонты...» обуви, домашней утвари, часов –
почти на положении нелегалов
ютились скопом, свой деля улов.
Естественно, что этот круг чтения
не развивал души, но прививал отменно вкус –
конечно, «Гастрономам» предпочтенье,
«Галантерею» видим – и не дуем в ус.
Особняком кафе с названьем «Буратино»,
его я первым, кажется, прочёл.
Теперь «Пивбар». Такая вот картина.
Побрезговал, короче. Не зашёл.

Прикольно пить на остановках:
все ждут автобуса, никто
не смотрит, что ты там в поддёвках
запрятал – водку ли, вино.

Все ждут автобуса. У всех дорога –
домой, с работы, по своим делам,
у каждого в глазах тревога,
и в голове житейский хлам.

Вот женщина с огромной сумкой,
мужик с ребёнком впопыхах,
курсантик вытянулся стрункой,
мальчишка едет на коньках.

А ты, махнув дербентской влаги,
поймаешь вдруг себя на том –
зима кругом из скандинавской саги
в нас отражается нечаянным родством.

И в мужике с огромной сумкой,
и в девочке с ребёнком на руках,
в курсантике с его нехитрой думкой
о самоволочке и маминых борщах.

Комсомольцы ушли в бизнесмены,
пионеры ушли в пацаны,
вот тогда начались перемены,
и вздохнули свободнее мы,

то есть жили теперь без пригляда:
вот, допустим, в девятом Г
из тимуровского отряда
сколотили свою ОПГ.

Ну шерстили барыг понемногу,
долю малую брали с лотков –
те, естественно, на подмогу
посерьёзней позвали братков.

Объяснили, что бизнес поделен,
заходя между тем со спины,
но Тимур был реально нацелен
из тимуров уйти в паханы.

Это были ещё цветочки:
разбежалась его братва,
а на память – отбитые почки...
Эх, садовая голова...

ПРОГУЛКА

На Белинке, на Ильинке
вроде всё как на картинке –
ни былинки, ни пылинки
ни соринки не найдёшь.

И трамваи по старинке
пробегают без заминки,
солнце светится в ботинке,
если пешим ты идёшь.

Вот выходишь на Покровку –
берегись её, воровку:
подберёт тебе обновку,
но оставит без гроша.

Лучше ты на Маяковку,
там на церковку-церковку
помолись и, взяв перцовку,
дуй к матросам не спеша.

Там фонтанчик, там тенёчек,
летний к вечеру денёчек –
так и тянет на песочек,
дует с Волги ветерок.

Вспоминай меня, дружочек,
слушай маменьку, сыночек,
в каблучке твоём гвоздочек
на прощанье: цок да цок.

* * *

Стояла Достоевская погода:
Февраль в обнимку с ноябрём,
Раскольников курил ещё у входа,
смотрел на всех нетопырём.

Князь Мышкин плюхал за трамваем,
Рогожин в джипе пёр на тротуар,
Фома Фомич почти незнаваем
на радио о чём-то тёр базар.

Дома смотрели косо и уныло,
видать, за каждым прятали окном
бомбистов, чтоб их просквозило,
телегой задавило за углом.

Виня отца во всём, что наболело,
любой подросток, как Наполеон,
за пустячок считал любое дело
и всё грозился выиграть миллион.

Во всём, видать, погода виновата –
Февраль в обнимку с ноябрём:
хотелось встать с пикетом у Сената
и обозвать кого-нибудь ворьём.

Хотелось спорить за горячим чаем
о Марксе, о французских леваках,
разбогатеть каким-нибудь случаем
и снова проиграться на бегах.

Всё это блажь, твою литературу!
Февраль в обнимку с ноябрём.
Осваивай, Софи, клавиатуру
и к Свидригайлову иди секретарём.

III

* * *

Может, римлянин; может, грек;
а скорее всего – татарин;
смотрит в зеркало имярек:
а и правда – облезлый барин.

Смотрит в зеркало подбочась,
а по улице ходит сутулясь,
сапогами мешая грязь,
и на солнышко смотрит хмурясь.

Что-то всё ему не по ноздре:
слишком шумное и живое,
то ли дело когда-то в орде,
где боялись гулять по трое.

Но, конечно, и те времена –
соглашается он – не подарок –
бесконечная эта война,
но зато был во всём порядок!

А хотя, ведь когда-то и он
был ребёнком и пел «Кузнечика»...
Окликают его – Симеон, Симеон!
просыпайся... трясут за плечики.

SEMENOV

Допустим, есть город Semenov
в далёкой канадской стране,
там много на улицах клёнов,
и мэр, аки Чехов, в пенсне.

Все жители – русские люди,
но русский у них – что костыль,
читают они при простуде
французскую «Русскую мысль».

Давно оцифрованы фото
ещё петербургских времён,
но вряд ли там правильно кто-то
припомнит их русских имён.

Какой-то тургеневский морок,
припадок из чеховских пьес,
что длится уже лет сто сорок,
как тяжба за срубленный лес.

Всё это фантомные боли.
Бульончик с яичным желтком,
английская азбука в школе,
стерильный пейзаж за окном...

Скоро снова всё начнётся,
вот сейчас уже – смотри –
мир, как люстра, разобьётся,
оборвётся всё внутри.

Засверлит, как боль зубная,
в гладко выбритый висок –
не пытай меня, родная,
отпусти хоть на часок.

Может, всё определится,
устаканится потом,
расходиться и жениться
сядут люди за столом.

Будут пить вино, как в сказке,
кушать в яблоках гуся,
вспоминать ночные ласки,
брать чужое, не спрося,

аккуратно собирая
по осколкам новый быт,
тот, что даже умирая,
о приварке говорит.

* * *

иванов зовёт иванова:
что-то, брат, на душе хреново,
не отведать ли нам хмельного?
не позвать ли ещё иванова?

иванов утешал иванова:
за тебя я порву любого,
хоть отца, например, родного –
вот моё ивановское слово.

иванов на груди иванова
прослезился: нигде такого,
не найду я такого родного –
ни в Ив́аново, ни в Ивано́во.

ну отведали, в общем, хмельного,
ну позвали ещё иванова,
ну прибили отца родного –
всё равно на душе хреново.

* * *

Поменялись местами Россия с Америкой –
такая история на грани с истерикой:
фанерные домики, фаст-фуды, автомобили,
осень в голливудском каком-то стиле.
Вместо райцентров – уездные *тауны*,
пивнушки и бани – салуны да сауны,
любой алкоголик – что ваш Эзра Паунд –
утром в мейнстриме, к вечеру – в андеграунд.

Симметрично Америка – та ещё клуша –
вместо коттеджей – избы на ножках Буша,
и хотя райсовет зовут пока мэрией,
а степи вокруг величают прерией,
Мэри вздохнёт на плече у Билла:
осень какая в этом году наступила!
я слово забыла, ты говорил...
болдинская – напоминает Билл.

* * *

В этот отпуск решил я остаться дома,
тем более – осень, везде холода,
и такая в душе накопилась истома,
что, ей-богу, не хочется никуда.

Буду, словно Языков, в пушистом халате,
развалясь на подушках, слагать стихи,
словно Дельвиг Антон, закурю в кровати,
словно И.А. Крылов – захочу ухи.

Кюхельбекером выйду на улицу кашлять,
возмнив о себе, стану строго судить:
никакие не след нам с правительством шашни
на коротком веку, на своём, заводить.

Разве, осень, и ты – прокричу – не подруга,
разве мы не найдём с тобой общий язык?
Золотая моя, окажи мне услугу –
в золотую орду свою выправь ярлык.

Нет ответа – ни *ой ли*, ни *аюшки*,
не найдём, значит, общего языка,
вот ходишь себе, как помешанный Батюшков,
непонятное что-то мычишь в облака.

«РОМАНС»

Как любил я когда-то романсы –
Серебристо-нейлоновый рифф
И надрыв этот псевдоцыганский,
Михалковских рулад перелив.

Никакого не надо мне Цоя,
Никакого ВГ с ДДТ,
Напоследок прослушаю стоя
«Шмель усатый», «Ямицик» и т.д.

До вертинской лимоновой дрожи
Слишком падох российский наш дух,
Оболенский-корнетик тревожит
Невзыскательных юношей слух.

С хрипотцою, с гнильцою и даже
С крокодилъей бандитской слезой,
Так бумажные розы в плюмаже
Настоящей съедались козой.

Запотевший графинчик «Столичной»
Размывает культурный барьер:
Вдруг попросишь музон поприличней –
Джима Моррисона, например.

Припади, говорят, к истокам,
изойди берёзовым соком,
спой о витязе светлооком,
Пересвете с электрошоком.

Вот гуляет он в поле широком,
ох, заденет, смотри, ненароком,
поколотит всех вместе чохом,
назовётся альфредом кохом.

Редедя говорит Челубею:
я теперь за «Зенит» болею,
а и то его, знаешь, робею –
пересветит ведь за идею.

Челубей отвечал с неохотой:
у Батя командовал ротой,
у Мамаю – уже туменом,
щас хурму продаю с Арменом...

Но готов потерпеть за идею –
с электричества я балдею.

так намешано всё, что поди,
разбери, где свои, да кто наши,
починяют слова чинари,
а им велено быть у парашаи.

даниил нахмурился хармс,
харкнул, сказал – да ну вас!
завели, словно сифилис, декаданс,
как хотите – а я надул вас.

вот введенский идёт александр,
он при галстукке и в костюме,
дышит пряностью кориандр,
голова – не в причёске, а в шуме.

заболоцкий ещё николай
обучает стихам дубравы,
и тринадцатый даже далай
лама шлёт ему горные травы.

* * *

Пивной ларёк за летним кинотеатром
уж если был открыт – без перерывов на обед,
мы шли туда с мальчишеским азартом –
нальют нам пива или нет?

Автозаводский парк, через дорогу наша школа,
большая перемена – двадцать пять минут,
апрель вокруг – звучит, как радиола,
стучит в груди английским словом *гуд*.

Толпятся мужики, сдувая с кружек пену,
сушёной воблюю молотят по столам.
«Блин, очередь, нам не успеть за перемену!» –
«Добей полтинник, я потом отдам».

На этот раз, на удивленье, прокатило,
с ухмылками косятся мужички...
«Ну, говори, чего опять русичка голосила?» –
«Да как всегда: лентяи, неучи, сачки».

С тех пор здесь кое-что переменилось:
ларёк сожгли и кинотеатр вместе с ним,
страна, пока мы пили пиво, развалилась,
но мы об этом вслух не говорим.

* * *

такой смешной вот старичок
с деменцией во лбу
сверчок, строчок, сморчок –
пора лежать в гробу.

а он чему-то лыбится,
спускается к пивной:
а вдруг чего обрыбится
от юности хмельной.

а юность беззаботная
глумлива и хмельна,
отзынь – велят – животное –
у нас в душе весна!

а ты тупой улыбкою
нам портишь всё меню
и счастье наше зыбкое
сгубил всё на корню.

На самом деле здесь другое –
на самом деле жизнь прошла,
а нет ни воли, ни покоя –
такие тухлые дела.

Сидишь, как чёртик в табакерке
с пружинкой лопнувшей, увы,
и вот, хотя открылись дверки,
не выпорхнешь из темноты.

Опять весна на белом свете –
все репродукторы поют,
летит Гагарин на ракете,
Хрущёва замуж выдают,

а мы немного обалдело
кричим и «Горько!», и «Ура!»,
тут политическое дело,
а в метафизике – дыра.

Наверно, мы с тобой и правда
совсем не рубим ничего...
На карте есть кружочек Тавда –
поехали скорей в него.

Здесь, в общем-то, не на что и посмотреть,
ну так себе – город и город,
не скажешь: увидеть и умереть,
ну речкой он надвое вспорот.

Пока ты там бродишь в столицах своих
по всяким культурным пространствам,
здесь даже до Кирова катится чих
емелькою на атаманство.

Смотри же, выдумывай жизнь за него,
любовь, и судьбу, и призванье!
Конечно, ему, дураку, нелегко –
такие кругом расстоянья.

Но он ещё скажет спасибо тебе
за заячий тот же тулупчик,
кивнёт с эшафота, завидев в толпе:
я тоже с утра, как огурчик!

Мы будем выхаживать этот простор,
смотреть и выслеживать оком
и странный какой-то вести разговор
о будущем нашем далёком.

Кому из него и о чём ворожить,
а спросишь – оно вдруг посмотрит устало:
смотрите, ведь вам – по пословице – жить,
а нас-то, как раз, и не стало.

Благовещенская площадь,
если дождик, будто ропщет:
я пустынна и гола –
где собор и купола?

Отвечает ей Прохожий:
я и сам не вышел рожей –
видишь: сдвинут набок нос,
темя – голо, как поднос,

целый век я здесь канаю,
но с трудом припоминаю:
неужели был собор,
где впустую рыщет взор?

Неужели был я молод,
неужели полон сил,
будто в пиве хмель и солод,
здесь по улицам бродил?

Нет, не помню я собора
и о том я не грущу,
а о том, что новый город
говорит мне: не пушу.

Я был толст, а ты был тонок –
что с того теперь?
Каждый был из нас ребёнок,
а сейчас стал – зверь.

Я – чернявый, ты – белёсый
или там наоборот?
Не осины, так берёзы –
что-то прорастёт.

Тот очкарик, тот зануда,
тот вихраст, а этот лыс.
Зря дразнили мы друг друга
Весельчак и Крыс.

А теперь такая каша:
каждый зрит в прицел!
Приходи скорей, мамаша,
посмотри, кто уцелел.

* * *

Человек был, кажется, всем:
четвергом, водосточной трубой,
очень часто он был никем,
очень редко самим собой.

Человеку всего-то годов,
хотя в паспорте – сорок пять,
но он думает, что готов
всё с начала начать опять:

хочет снова побыть четвергом,
заболеть и побыть волной,
удивляясь всему кругом
по пути из больницы домой:

вот собака, вот снова апрель,
грязноватый под липами снег –
этих запахов чудный коктейль
обоняет опять человек.

Тяжелеет его голова,
говорит, что не жизнь, а – халва...

СОДЕРЖАНИЕ

I

- «Давай скитаться по земле...» /7
- «Последние летние дни...» /8
- «Погода тянется к погоде...» /9
- «Расчищают снег таджики...» /10
- «На старых улицах, что вскоре...» /11
- «Спелым оловом разлит...» /12
- «В хороводе инкарнаций...» /13
- «Болезнь равнодушной латынью...» /15
- Детство /16
- «Газетную ветошью из-под обоев...» /17
- Стихи по русской истории /18
- Музей восковых фигур /19
- «Инфантилизм, инфекция, энцефалит...» /20
- «Ни к селу, ни к городу в разговоре...» /21
- «Как хорошо в иные лета...» /22
- Мусоргский /24
- «Эти суздальские зимы...» /26

II

- «Когда они приходят...» /29
- «Была зима. Мы тоже были...» /30
- «День "икс" уже определён...» /31
- «Сегодня самолёты что-то разлетались...» /32
- «Самолёт приземляется строго по графику...» /33
- «История, как варежка, проста...» /35
- Дружеское посвящение Андрею Пермякову,
Владимиру Безденежных и Арсу Ли,
вспоминая нашу поездку в Киров /35

«Довольно тривиальный эпизод...» /36

З. Н. /37

Песни капельницы потустороннего мира /38

1. «я был тихий алкоголик...» /38

2. «две по сто одну сардельку...» /39

3. «мужики такое дело...» /39

4. «эх как раньше-то бывало...» /40

5. «здесь застряли мы надолго...» /41

6. «поговори со мною вова...» /42

7. «хороша у вас капуста...» /42

8. «это что ещё за числа...» /43

9. «наконец-то свежий воздух...» /44

10. «кабак закрыт все выпивохи...» /45

11. «мы сидели на батумской...» /46

«Кто-то ходит наверху...» /47

«Скажем, город, нет – посёлок...» /48

«Я полюбил автозаводский парк...» /49

«Я высунулся в эти холода...» /50

«Ехал старенький трамвай...» /51

«Тренировали в чтении по вывескам...» /52

«Прикольно пить на остановках...» /53

«Комсомольцы ушли в бизнесмены...» /54

Прогулка /55

«Стояла достоевская погода...» /56

III

«Может, римлянин; может, грек...» /59

Semenov /60

«Скоро снова всё начнётся...» /61

«иванов зовёт иванова...» /62

«Поменялись местами Россия с Америкой...» /63

«В этот отпуск решил я остаться дома...» /64

«Романс» /65

«Припади, говорят, к истокам...» /66

«так намешано всё, что поди...» /67

«Пивной ларёк за летним кинотеатром...» /68

«такой смешной вот старичок...» /69

«На самом деле здесь другое...» /70

«Здесь, в общем-то, не на что и посмотреть...» /71

«Благовещенская площадь...» /72

«Я был толст, а ты был тонок...» /73

«Человек был, кажется, всем...» /74

Литературно-художественное издание

Денис Липатов

ДРУГОЕ ЛЕТО

Стихи

Художественное оформление – *Елена Константинова*

Компьютерная вёрстка – *Сергей Шильд*

Предпечатная подготовка – *Владимир Макаров*

Директор издательства «Литера» – *Николай Николаев*

Подписано к печати ** ***, 2015. Формат 84 × 108 1/32.
Тираж 500 экз.

Издательство «Литера»
Нижний Новгород, ул. Гоголя, 41.
Телефон: (831)278-00-10
www.litera-nn.ru

Отпечатано в типографии «Растр-НН»,
Нижний Новгород, ул. Белинского, 61
тел. (831) 278-78-19

ISBN 978-5-905163-37-1

9 | 785905 | 163371